

Москва (прил. к Аргументам и фактам) - 2000. - дек. (№ 50). - с. 22

Кумир

со сломанными часами

ПУБЛИКА сегодня не успевает переключаться на новых кумиров. А кумиры вчерашнего дня, дабы сохранить и приумножить собственную культовость, все чаще избирают объект, весьма значимый для массового сознания. Как приключилось недавно с режиссером **Романом Виктюком** - с усердием, достойным лучшего применения, он сначала взял за культовый роман **Э. Бёрджесса** "Заводной апельсин" и поставил его, а потом, в следующем спектакле, препарировал жизнь великой певицы **Эдит Пиаф**. Вот тут-то и становится страшно. Поскольку книга Бёрджесса и биография Пиаф, побывав в руках вышеупомянутого деятеля, потеряли какой бы то ни было смысл. Герои лишились лиц, их поступки - логики, а судьбы - соучастия со стороны публики.

Как правило, в основе любой, даже самой сомнительной и бредовой затеи лежит замысел. Каков же он в этом случае? Видимо, г-н Виктюк, чувствуя приближающуюся старость, как свою, так и своего постоянного зрителя, решил завоевать аудиторию помоложе. Рецепт прост: адаптировать сюжет, все лишние слова - в корзину, философию, трагедию, жизненные репетиции - туда же, мыслей поменьше, куражу побольше - и вперед. Таким образом, от романа "Заводной апельсин" осталась едва ли треть, а из биографии Эдит Пиаф стараниями драматургессы **К. Драгунской** вычленился маленький проходной эпизод, о котором, боюсь, не помнят даже самые скрупулезные летописцы. А поскольку пустоты, проявившиеся в связи с отсутствием текста, надо чем-то заполнить, в ход пошло буквально все подряд. От не в лад и невпопад вткнутой музыки (ушераздирающие гитарные "запилы" в первом случае, дискотечно-угарные мелодии во втором) до нескончаемых дешевых по-

туг на эпатаж. Вроде трючка в самом начале "... апельсина", когда, произнеся от силы десяток слов, главные герои - **Алекс (Д. Бозин)**, **Пит (Ф. Махмудов)** и **Дим (Э. Двинских)** - выстраиваются в ряд на авансцене и молча смотрят в зал, долго, минут десять, пока публика не "раскалывается" и не начинает кричать нечто вроде: "А продолжение будет?" (В чем действительно возникают сомнения.)

Судя по всему, оба спектакля Виктюк репетировал со сломанными часами. Ибо с временем везде творится что-то странное. Действие в "Заводном апельсине", поначалу плетущееся нога за ногу, аккуратно после фокуса с залом (см. выше) пускается лихим галопом, едва успевая выплывать пояснения. По обрывкам фраз, прорывающимся сквозь микрофонное скворчание и постоянный скрип, грохот и крик, можно с трудом, но сообразить, куда направляется в данный момент главный герой, кто находится рядом с ним (друзья ли, страшные безликие доктора или роботоподобные родители) и что, может быть, произойдет дальше.

В "Эдит Пиаф" мы имеем обратную ситуацию с временем. Крохотный эпизодик - история создания песни "Мой легионер", мимолетная встреча еще малоизвестной Пиаф с неким воякой Альбером размусоливаются на два часа. Артисты (их трое: модная певица **Нуца**, до сих пор не избавившийся от провинциального говора **Н. Добрынин** и восточный красавец **Ф. Махмудов**) разгуливают по сцене и буквально лезут на стенку от скуки. Ибо произносить предложенный им текст - удовольствие сомнительное, характеров и сюжетных линий нет и в помине, а отплясывать под задорную попсу вполне

Фото Анатолия МЕЛИХОВА

можно и дома. Все впечатление от данного творения вполне укладывается в одну фразу. В самом начале, минуте на седьмой, Пиаф - Нуца плюхается в кресло и произносит: "Чего-то как-то не прет, не катит". Что правда, то правда. **Не катит ваш спектакль, Роман Григорьевич!**

Несмотря на некоторый временной промежуток в выпуске, "Заводной апельсин" и "Эдит Пиаф" получились очень похожими. В первую очередь мучительным до абсурда незнанием и непониманием режиссера, о чем же должна быть спетая со сцены его выходная ария. И посему маэстро взял за шкурку компанию артистов, загнал их на травмоопасную декорацию (в первом случае это стрела крана и множество узких железных лесенок, во втором - фанерный самолетик, неистово крутящийся и раскачивающийся) и потребовал вертеться ужом, да еще произносить слова, даже не объяснив их смысла. Вот и болтаются бедолаги туда-сюда (не будем говорить, как что и в чем), завывают дурными голосами и откровенно тоскуют. Как и зрители - на обоих спектаклях были зафиксированы массовые миграции в гардероб и буфет.

Алиса НИКОЛЬСКАЯ